

ние утруждать Вас нижайшею прозьбою: не соблаговолите ли Ваше Высочайшее поскорее вытребовать нас в вышеозначенную Академию; а тем самым избавить от нужд со дня на день возрастающих» (ЦИАМ. Ф. 433. Оп. I. Д. 6). О том же печется начальство, напоминая на то, что оставление будущих медиков без присмотра «служит поводом им к разным шалостям и чрез время от неупражнения могут даже ослабеть в знании латинского языка». Между тем их одежда и обувь, «которую они в бытность их в семинарии долгое время носили, ныне так сделалась ветха, что носить ее многим из них не только по причине холода опасно, да и стыд запрещает». Всеволожский денег дал. Наконец, 29 января их отправляют в Москву во временно нанятый для Академии дом князя Трубецкого, находившийся «за Москвой рекою близ Каменного моста, в приходе Козмы и Доминиана».

Отец Достоевского принадлежал к числу казеннокоштных студентов: как правило, они не получали помощи от родных. В случае Михаила Андреевича это неудобство имело абсолютную силу. Разрыв с семьей обрекал его на полное одиночество: никаких внешних источников существования у него не было. Уроки в частных домах (если эти уроки были) приносили гроши.

Ученики, правда, не голодали. «Пища выдавалась в достаточном количестве, – пишет историк Академии, – но была очень однообразна. Завтрак состоял из фунта ситного хлеба и стакана сбитня; на обед полагались щи, каша и кусок жареного мяса, на Рождество угощали гусем, на масленой – ватрушками. На ужин давали щи и кашу».

Согласно уставу Академии, студентам 3–4 классов полагались шпаги (в этом отношении они приравнивались к студентам Университета, хотя в отличие от последних по окончании курса не обретали дворянское достоинство). Но несмотря на эти знаки корпоративного благородства воспитанников отличали порой «грубость, склонность к насилиям, к пьянству». Особенно славились этим бывшие семинаристы. «Маленькие скандальчики, – говорит компетентный автор, – случались время от времени, вроде шума в развеселом доме или ухаживания, в пьяном виде, за прекрасным полом на бульварах. Подобные скандальчики оканчивались без последствий».

Без последствий, очевидно, оставались и другого рода досуги. Скромные и преданные науке студенты «ежедневно находились под соблазном модисток, разгуливающих парами по тротуару возле окон». Это были белошвейки и портнихи Кузнецкого моста, отданные в учение крепостные мастерицы. «Тут, – не скрывает правды тот же автор, – и завязывались первые знакомства и впоследствии интимные отношения». Нам ничего неизвестно об этой стороне жизни бывшего подольского семинариста, но, надо полагать, она не слишком отличалась от принятых в его кругу обычаев и привычек.

...В «Клиническом архиве гениальности и одаренности» (1927) следующим образом трактуются причины «священной болезни» автора «Идиота»: «Отец Достоевского был запойный пьяница, а у особенно тяжелых алкоголиков, к числу которых и принадлежал Достоевский-отец, в потомстве очень часто помимо наследственного алкоголизма бывает и эпилепсия».

На чем, однако, основано подобное – довольно распространенное – мнение? У нас нет указаний на то, что до рождения Достоевского (то есть до 1821 г.) его отец был «запойным пьяницей», – если, конечно, не считать таковыми всех поголовно медицинских студентов. Не был замечен Михаил Андреевич в чрезмерном пристрастии к рюмке и за семнадцать лет своей брачной жизни (правда, трясение рук, на которое он указывает в официальном прошении об отставке как на одну из ее причин, способно возбудить подозрение). Единственный период, к которому позволительно отнести его тягу к спиртному, – два года, следующих за смертью жены. Но это, как легко догадаться, уже никак не могло повлиять на наследственность его детей.